

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.13

А.Ю. ЕПИХИН,
доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В работе исследуется проблема различных теоретических подходов к процессу обеспечения безопасных условий участия любой (всякой) личности при производстве по уголовному делу. Пределы и содержания теории безопасности изменились и изменяются в соответствии с изменением социально-политических условий существования государства и общества.

Наука и рост знания – это то, что «всегда начинается с проблем и всегда кончается проблемами – проблемами возрастающей глубины – и характеризуется растущей способностью к выдвиганию новых проблем» [1]. Этот вывод, сделанный известным науковедом Карлом Поппером, содержит в себе важнейшую методологическую установку, которой, по нашему мнению, обязан руководствоваться всякий исследователь. Именно умение увидеть проблему, ее масштаб и значимость является основным критерием, определяющим научный уровень исследования и исследователя.

Все критерии (их как минимум три) имеют непосредственное отношение к категории «проблема». В жизни они представляют собой, образно говоря, три головы, принадлежащие одному туловищу, которым и является крупная научная проблема. Вне связи с некоторой научной проблемой (желаемым результатом) данные положения возникнуть не могут. Полученные результаты (новое объяснение реальности) и создают названные предпосылки, углубляя теоретическое знание. В этом и заключается связь названного критерия с проблемой.

Однако суть не только в этом. Здесь, на наш взгляд, вполне различимы и другие следы присутствия проблемности. «Новое крупное научное достижение» может быть истолковано и по-другому: исследователь смог выявить (абстрагировать) более масштабную проблему, достигнуть новых глубин осознания проблемности¹ [1, с. 371].

В этом же может заключаться и ключ к пониманию квалификационной формулы – «решение крупной научной проблемы, имеющей важное социально-культурное или хозяйственное значение». Оговорки о важности проблемы означают, что констатация ее решения может быть обусловлена удовлетворением (как правило, временным) значимого хозяйственного или социально-культурного спроса либо укреплением экономики и обороноспособности страны.

Но все же главная мысль здесь, на наш взгляд, кроется в том, что *о решении крупной научной проблемы можно говорить и в том*

¹ Наука есть прогресс от одной проблемы к другой – от менее глубокой к более глубокой проблеме.

случае, когда происходит ее укрупнение. Подчеркнем, что «укрупнить» в данном случае не означает усугубить: «укрупнить» в данном случае подразумевает решить проблему методом поглощения. Исследователь как бы достраивает проблему, показывает, что это лишь частное проявление системы более высокого порядка; все прежние проблемы не более чем следствия найденной им причины. Очевидно, что подобное укрупнение проблемного знания не может происходить произвольно. Оно предполагает обширное и долговременное (как необходимое условие созревания) исследование, обобщение подходов к постановке и решению более узких проблем.

История исследования проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства – это тоже путь укрупнения проблемы. Генезис научных исследований указанной тематики демонстрирует, что первоначально исследователи обращались к проблемам защиты отдельных категорий лиц в уголовном судопроизводстве и лишь некоторых значимых для этих лиц ценностей. Долгое время сегменты проблемы уголовно-процессуальной безопасности личности исследовались на уровне отдельных научных статей и кандидатских диссертаций. В результате большое количество исследований и исследователей привело к открытию новых неизвестных проблем, свидетельствующих о широте исходной («материнской») проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Осознание новых контуров проблемы безопасности закономерно повлекло за собой понимание острой теоретической недостаточности. «Сложившуюся ситуацию, – пишет О.А. Зайцев (автор первой докторской диссертации, защищенной в рамках исследуемого нами научного направления), – крайне усложнила слабая теоретическая разработанность ранее неизвестных проблем, связанных с массовым противоправным воздействием на участников судопроизводства. Существующее научное знание в области уголовно-процессуального права и смежных с ним наук оказывается недос-

таточным для решения новых задач познания, ответы на которые явно не укладываются в рамки прежних теоретических представлений» [13].

Сказанное является лишь одним из многих доктринальных подтверждений обострения потребности в синтезе и углублении полученных знаний о природной сущности безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства. О.А. Зайцев определил глубину рассматриваемой проблемы термином «государственная защита участников уголовного процесса». В качестве решения им была предложена теоретическая концепция государственной защиты субъектов уголовно-процессуальной деятельности, объектом которой являются деятельность правоохранительных органов по обеспечению государственной защиты участников судопроизводства, ее тенденции и закономерности, особенности расследования преступлений в специфических условиях, вызванных противоправными воздействиями на наиболее уязвимых субъектов процесса [12, с. 76–77].

Поднимаемый и решаемый О.А. Зайцевым вопрос, вне всякого сомнения, является крупной научной проблемой. Однако, по нашим представлениям, это не предел понимания ее величины и глубины, поскольку очевидно, что за границами проблемы (в представленном масштабе) остаются негосударственные формы защиты участников процесса. Кроме того, ограничен и круг субъектов, которые могут быть подвержены опасности в ходе производства по уголовным делам.

Таким образом, факт появления объемного монографического исследования проблемы (события замечательного) – это не повод для ослабления научного интереса к проблематике, скорее, наоборот. Новая концепция имеет своим результатом не только оригинальное объяснение фактов, но и подчеркивает иной уровень проблемности, постановки оригинальных вопросов. Концепция, таким образом, является побудительным мотивом для других исследователей, и этот стимул тем сильнее, чем оригинальнее концепты.

Так, по нашим оценкам, еще более масштабной проблема безопасности личности в

сфере уголовного процесса предстала после обнародования результатов докторского исследования, предпринятого Л.В. Брусницыным. Суть проблемы безопасности Л.В. Брусницын видит в «незащищенности жертв, свидетелей преступлений и других лиц от посткриминального воздействия» [14]. Об увеличении масштаба проблемы, в частности, свидетельствует и используемая в работе терминология. Л.В. Брусницын, говоря о безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, использует понятия более высокой степени общности, нежели О.А. Зайцев. Углубление проблемы происходит и за счет расширения правовой географии.

Однако подходу Л.В. Брусницына также свойственны свои границы, задаваемые непосредственно целью исследования (здесь в первую очередь заметны ограничения по субъекту) и опосредованно степенью исследованности объекта. Кроме того, сужение рамок исследования в определенной степени продиктовано авторской установкой на правовую финитизацию проблемы² [15]. Решение проблемы автору видится в совершенствовании национального законодательства; этим же определяется и цель авторской концепции³ [14, с. 4].

Соглашаясь в целом с подобным подходом и признавая его большую практическую пользу, заметим, что институциональное совершенствование законодательства (принятие отдельных законов и введение процессуальных институтов) вряд ли будет ознаменовано полным разрешением проблемы. В этой связи нам представляется, что образ идеального решения проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства должен опираться, кроме всего прочего, и на *концептуальное* совершенствование законодательства.

Работа Л.В. Брусницына – вторая докторская диссертация, родившаяся в недрах темы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства. Полагаем, что предыдущим

анализом мы уже подвели читателя к пониманию того, что дальнейшее постижение сути проблемы уголовно-процессуальной безопасности объективно необходимо. Подчеркнем главную мысль: занимаясь одной тематикой, исследователи решают не совсем идентичные по своему составу проблемы, поскольку сама проблема (в ее системном понимании) постоянно эволюционирует. Эволюция обусловлена взаимодействием общего (совместного) объекта и персональных предметов исследования. Таким образом, совокупный предмет исследования в конечном итоге увеличивается и становится равным объекту.

Так, по сути, обстоит дело и в нашем случае. Безопасность личности в сфере уголовного процесса рассматривалась как объект, в рамках которого формулировались конкретные предметы. С каждым новым крупным исследованием предмет все более приближался к объекту. Сегодня предметом может являться то, что еще вчера обозначалось как объект. Это обстоятельство в свою очередь позволяет увидеть новый объект, в контексте которого должна решаться научная проблема безопасности в современном ее понимании. Таковым является безопасность личности в Российской Федерации. Последние трагические события в стране и мире подтвердили, что это является чрезвычайно важной проблемой. В этой связи уголовно-процессуальная безопасность личности должна оцениваться в контексте общей безопасности России, ее задач и принципов, рассматриваться как ее неотъемлемая составная часть. Думается, что не будет голословным и предположение о том, что исследуемая нами проблема генетически вписывается в проблематику международного значения.

Говоря об объекте и предмете, необходимо подчеркнуть, что предмет любого научного исследования теснейшим образом связан с проблемным знанием о нем. Эволюция предмета и объекта есть продукт углубления представлений о противоречиях, генерирующих проблемную ситуацию. Закономерная реакция проблемы на каждое незаурядное исследование – углубление и тогда исследователю откры-

² Под *финитизацией* понимаются представления автора о желаемом результате решения проблемы.

³ Эффективных гарантий безопасности российское законодательство, по мнению Л.В. Брусницына, не содержит.

ваются новые глубины знаний. Это углубление вряд ли стоит понимать плоско, как исключительно последовательное размеренное движение вперед. Так, очевидно, что исследования О.А. Зайцева и Л.В. Брусницына не представляют собой последовательных этапов научного поиска (разница в датах защиты диссертаций в несколько лет не означает, что имеет место научная эстафета). Сказанное касается и большинства других участников творческого поиска в сфере уголовно-процессуальной безопасности личности⁴. Исследователи, стартовавшие в одно время, не всегда движутся в одном направлении, пути их не обязательно параллельны и прямолинейны. Не всегда эти пути и пересекаются. Весьма разнятся дистанция и скорость продвижения.

Однако научная реальность такова, что всякий индивидуальный теоретический прорыв содержит коллективную подоплеку (отсюда и приветствуемая форма научного субъекта – «мы»). Иными словами, крупные научные проблемы «возводятся» и разрешаются лишь совокупными усилиями научного сообщества. Таким образом, мы не станем отрицать, что работы О.А. Зайцева, Л.В. Брусницына и других многочисленных исследователей оказали существенное влияние на формирование нашей авторской концепции. С другой стороны, и коллеги солидарны с некоторыми нашими размышлениями⁵ [12, с. 59].

В этой связи представляется уместным привести одну цитату из известной работы Т. Куна «Структура научных революций». В примечаниях к указанному сочинению он следующим образом характеризует совпадение своих научных позиций с воззрениями Карла Поппера. «По-видимому, это широкое совпадение, – пишет он, – нельзя считать случайным. Хотя я не читал работ сэра Карла вплоть до

выхода в 1959 году английского перевода его книги (1935), я не раз слышал обсуждение его основных идей. В частности, я слышал, как он излагал некоторые из них на своих лекциях в Гарвардском университете весной 1950 года. Поэтому мне трудно в точности определить размер моего интеллектуального долга сэру Карлу, но я не сомневаюсь в том, что он есть» [16].

Доктринальные усилия способствуют укрупнению проблемы уголовно-процессуальной безопасности личности не только прямо, но и косвенно, путем нормативного оформления научных достижений. Как известно, результаты уголовно-процессуальной науки материализуются через нормы соответствующей отрасли права. Совсем недавно имела место очень существенная материализация подобного рода. Мы имеем в виду закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [17]. В нем достаточно легко разглядеть не только следы зарубежных нормативных моделей, но и доктринальные предложения отечественных исследователей.

Появление указанного закона и первые опыты по его применению также способствуют укрупнению проблемы и повышают актуальность дальнейшей разработки темы уголовно-процессуальной безопасности личности.

Кроме того, принятие указанного закона свидетельствует о том, что проблема уголовно-процессуальной безопасности личности не является сугубо теоретической. Рождение закона, который много лет не мог вырваться из проектных оков, подтверждает жизненную необходимость защиты участников процесса и подвигает ученых к дальнейшей разработке этой темы.

Сказанным мы пытаемся подчеркнуть, что проблема, которую мы ставим и решаем, глубже и масштабнее проблем, поднимаемых ранее, в том числе и в докторских диссертациях. Отталкиваясь от этой установки, первоначально мы сформулировали предмет исследования: «проблема безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства, ее явные и скрытые аспекты и взаимосвязи ...».

⁴ В настоящем контексте термин «уголовно-процессуальная безопасность личности» используется как синоним «безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства». Однако подобное равенство условно.

⁵ Так, ссылки на нашу «Концепцию безопасности личности в уголовном процессе» (Сыктывкар, 2000) имеются в работе О.А. Зайцева.

Проблема в первую очередь есть инструмент познания. Однако в эвристическом смысле едва ли целесообразно увеличивать дистанцию между предметом познания и проблемой (как формой знания). Первое, что должен сделать исследователь, – это трансформировать теоретическую и эмпирическую информацию о предмете в проблемное знание. Говоря проще, исследование должно опираться на четкие формулировки проблемы.

Достижение углубленного понимания проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства (как важнейшая предпосылка ее концептуального осмысления) также требует серьезного отношения к методике постановки проблемы.

Не умаляя заслуг наших коллег, заметим, что далеко не все из них уделяли этому особое внимание. Большинство вполне обходилось интуитивной формой постановки проблемы, ограничиваясь либо одним проблемным вопросом, либо констатацией того, что имеются некие проблемы. Подобный подход может быть отнесен к стихийной (врожденной) методологии: человеку от рождения свойственно чувство проблемности, ибо, как заметил Э. Фромм, «его (человека – А.Е.) собственное существование является проблемой; он должен ее решать и ему от нее не спрятаться» [18].

Однако глубокому целенаправленному проникновению в проблему способствуют специальные процедуры ее постановки. Во-первых, следуя осознанным интеллектуальным приемам и правилам, исследователь вынужден размышлять о проблеме в таких ракурсах, о которых при интуитивной постановке речь чаще всего не идет. Во-вторых, правила вовремя позволяют увидеть, что проблема на самом деле таковой уже не является. В-третьих, они дисциплинируют самого исследователя, позволяют эффективно организовать исследование. В-четвертых, повышается психологическая готовность специалиста к познавательной деятельности, существенно улучшается «качество» проблемы и значительно ускоряется переход от замысла к решению [19]. Кроме того, исследователь должен иметь представление о том, что скрывается за термином «проблема».

В самом общем виде «проблема» может быть определена как атрибут человеческого бытия, который проявляется как затруднение в продолжении деятельности, требующее осмысления, рефлексии и диктующее необходимость действий по его устранению; при этом далеко не всегда ясно, что требуется предпринять [20, 21].

Большая часть дефиниций проблемы напрямую связывает ее со сложным теоретическим или практическим вопросом, требующим изучения, разрешения. Причем это должен быть такой вопрос, ответ на который не содержится в накопленном обществом знании [22, 21].

Вместе с тем жизнь показывает, что одним вопросом проблема никогда не исчерпывается. Она представляет собой целую систему, состоящую из центрального вопроса (того самого, который составляет существо проблемы и который часто отождествляется со всей проблемой) и некоторого количества вспомогательных вопросов, получение ответов на которые необходимо для ответа на основной вопрос [20, с. 189].

Так, например О.А. Зайцев, уточняет проблему государственной защиты участников уголовного процесса через ряд вопросов: кто и что является объектом государственной защиты? От чего следует защищать участников процесса?

Кроме того, формулирование проблемы включает в себя такие операции, как выявление противоречия, лежащего в основе проблемы, и предположение о конечных результатах исследования (М.П. Поляков). Однако исследователи, как правило, ограничиваются теми моментами, на которые мы указали: формулирование вопросов и выявление противоречия.

Итак, существо проблемы (познавательный запрос) кодируется в главном вопросе исследования. Даже если вопрос и не объявлен, его легко вычислить при помощи перевода заголовка работы в категорию вопроса «как?».

Таким образом, в нашей ситуации центральный вопрос проблемы можно сформулировать следующим образом: как сделать уголовный процесс безопасным для личности, попавшей в его сферу? Для того чтобы придать проблеме требуемую остроту, формулировку можно уточнить: как сделать уголовный про-

цесс безопасным всякий раз и для всякой личности?

Подобная постановка вопроса, по нашему мнению, диктуется конституционными положениями («человек – высшая ценность») и отчасти подтверждается нормативной формулой назначения уголовного процесса. Так, согласно ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Нетрудно разглядеть в приведенной норме концептуальную установку на бережное отношение к личности. Это ключевая идея, лежащая в основе уголовно-процессуальной реформы. Вместе с тем в формулировке ст. 6 УПК РФ можно уловить следы противоречия. С одной стороны, уголовное судопроизводство рассматривается как средство защиты (безопасности) личности, но, с другой – это средство также может представлять собой источник опасности для прав и свобод этой же личности⁶. Казалось бы, сам факт активизации государственной машины, именуемой уголовный процесс, защищает личность от воздействия криминала. Однако практика показывает, что уголовное производство не только пресекает преступление и восстанавливает нарушенное право, но зачастую порождает цепочку новых преступлений. Детально описывает это явление Л.В. Брусницын, обозначая его как «посткриминальное воздействие». Вовлечение личности (даже законопослушной) в сферу уголовного процесса, таким образом, не всегда означает для нее исключение опасности, зачастую опасность возникает (умножается) вместе с началом производства по делу.

Примеров подобного рода в научной литературе более чем достаточно. Количество противоправных посягательств в отношении долж-

ностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, увеличивается с каждым годом. Противоправному воздействию подвергаются как должностные лица, осуществляющие правосудие (судьи, прокуроры, следователи и др.), так и лица, содействующие им в установлении истины (потерпевшие, свидетели и пр.). Так, по результатам проведенного нами анкетирования, 62% судей считают, что закон их не защищает, а 44% – оценили свою судебную безопасность как недостаточную. Кроме того, судьи подтвердили наличие в судебных стадиях производства фактов противоправного воздействия на потерпевших (35%) и свидетелей (40%). Несмотря на то, что 48% судей отрицают факты противоправного воздействия на них, 16% все же подтвердили наличие таких фактов в отношении себя либо других судей, и только 9% отметили их как единичные⁷.

Законодатель долгое время не замечал указанной проблемы. Признание ее на нормативном уровне произошло лишь 12 июня 1990 г., когда был принят Закон СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [23]. Статья 27¹ содержала принципиально важное положение: «При наличии достаточных данных, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями, орган дознания, следователь, прокурор, суд обязаны принять предусмотренные законодательством ... меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности».

Мы процитировали текст закона не случайно. Приведенная формулировка лишь обозначила проблему, но не разрешила ее.

⁶ Пункт второй указанной статьи должен пониматься весьма широко, подразумевая не только обвиняемых и подозреваемых, но и всякую личность. Широкий подход должен распространяться и на понимание прав личности, включая право на жизнь, безопасность и т.д.

⁷ Здесь использованы результаты проведенного автором анкетирования судей, следователей и других прикосновенных к правоохранительной деятельности лиц Республики Коми в период 2000–2004 гг.

Проблематичность реализации этой позитивной нормы состояла в том, что характер угрозы ограничивался строго определенными рамками (убийство, применение насилия, уничтожение или повреждение имущества). Между тем чаще всего характер противоправного воздействия в отношении субъектов процесса заключается в неопределенности самой угрозы (например, «подумай о своих детях, своем здоровье» и т.п.). Воздействие часто носит завуалированный характер. Кроме этого, способы и методы воздействия личность в сфере уголовного процесса могут вообще не подпадать под действие уголовно-наказуемого деяния (например, за свидетелем, идущим по улице домой, постоянно следует на малой скорости автомашина с затемненными окнами).

Противоречие, в центре которого лежит идея опасности для личности со стороны самого уголовного процесса, далеко не единственный очаг проблемности. Для того чтобы увидеть это, вернемся к центральному вопросу проблемы: как сделать уголовный процесс безопасным всякий раз и для всякой личности?

Этот вопрос вполне мог бы быть переведен в статус технической задачи, если бы в сфере уголовного процесса фигурировала одна единственная личность. Однако очевидно, что подобная ситуация невозможна в принципе, ибо уголовное судопроизводство многолюдно по определению. Но проявление множественности выражается не только количеством личностей, но и обилием интересов этих личностей, зачастую весьма противоречивых.

Указанные интересы пересекаются и в секторе безопасности. История показывает, что корни проблемы безопасности личности в сфере уголовного процесса ведут к противоречию между государственными задачами и потребностями личности.

Обеспечение уголовно-процессуальной безопасности личности, являющееся составной частью понятия «обеспечение законных интересов личности», – важнейшая функция каждого государства вне зависимости от специ-

фических форм организации этого обеспечения⁸.

Правовое государство, характерное в основном для стран Западной Европы, так же, как тягловое государство (по Н.Н. Алексееву) [24, 25], или государство обязанностей, государство Правды (по И.А. Пересветову) [26, 27], свойственное евразийским государствам и особенно Руси, есть средство защиты интересов граждан, подданных этого государства от противоправных посягательств, средство примирения (согласования) противоречивых интересов. Государство, как и любая юридическая конструкция, есть средство примирения (согласования) противоречивых интересов: 1) личности; 2) личности и общества; 3) общества и государства. Т. Гоббс вообще видел в государстве средство реализации функции (инстинкта) самосохранения, оно, по его мнению, – единственный инструмент, который может сохранить народ от «войны всех против всех», от самоуничтожения. «Мир, – писал он, – возможен лишь при условии самообуздания и ограничения естественного права индивида на все» [28].

В связи со сказанным может быть понято действительное место прав, в том числе и получивших титул естественных, и свобод человека и гражданина в регламентации уголовного судопроизводства. Государство, с одной стороны, а его граждане, с другой, принимают на себя определенные обязательства, коим, естественно, корреспондируют обязанности другой стороны. Приверженцы теории общественного договора прямо формулировали: граждане отказываются от части своих естественных прав в пользу государственной власти, призванной охранять их собственность и безопасность.

Подчеркнем два момента. Во-первых, по совершенно справедливой мысли авторов этой теории, для того чтобы иметь возможность защитить права и свободы своих законопослушных граждан, государство должно иметь

⁸ Если понимать обеспечение законных интересов личности в широком смысле, то нужно сказать, что эта функция государства является не просто важной, а основной.

возможность целесообразного ущемления части этих прав. Добавим: каких именно прав и до какой степени возможно ущемление – это проблема ситуационная. Во-вторых, ради получения тех благ, которые создает существование в государстве, сами граждане поступаются частью своих так называемых естественных прав [29].

Сказанное позволяет утверждать, что современная российская власть недостаточно хорошо выполняет обязанность обеспечивать безопасность и собственность своих граждан. Это относится как к предшествующей посягательству деятельности, так и к практике восстановления нарушенного преступлением права посредством привлечения виновного к уголовной ответственности, защите законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства. Закрепление в основополагающем законе Российской Федерации – Конституции – прав и законных интересов граждан перед общественными и государственными интересами предполагает установление механизма его реализации в отраслевых законах и подзаконных актах.

Вместе с этим, как нам представляется, в правовых отношениях *примата интересов одного из субъекта быть не должно*. Имевшее место в истории провозглашение приоритета общественных и государственных интересов ущемляло, порой существенно, интересы отдельной личности. Подобное положение нужно исправлять, но не путем перегибов в другую сторону, а путем установления компромиссов. Государство, в котором интересы отдельного гражданина противоречат общественным, – это перегиб, поскольку общество есть совокупность индивидов, множества личностей.

Поэтому речь может идти только о законных интересах, когда компромисс различных интересов достигается путем принятия закона (правовой нормы). И поиск этого компромисса также является проблемой⁹ [30].

⁹ Компромисс сегодня может рассматриваться как некий методологический принцип. Об этом размышляют и другие исследователи.

Представляется, что всего вышесказанного довольно для общей характеристики проблемы. Задача состояла в том, чтобы показать величину проблемы, ее общие контуры и скрытые источники. На наш взгляд, сказанного достаточно для определения стратегии разрешения проблемы, но явно недостает для разработки конкретных решений. В этой связи актуализируется потребность в конкретизации проблемы, ее расщеплении на систему исследовательских задач и интеграции их в структуру авторской концепции безопасности личности в сфере уголовного процесса.

Список литературы

1. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания. – М., 2004. – С. 371.
2. Акрамходжаев Б.Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992.
3. Зайцев О.А. Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
4. Минеева Г.П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
5. Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.
6. Тихонов А.К. Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.
7. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.
8. Юнусов А.А. Обережение участников уголовного процесса и их близких: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998.
9. Зайцев О.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса по делам организованной преступности. – М., 1994.
10. Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение личных, имущественных и иных прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. – М., 1994.
11. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. – М., 1995.
12. Зайцев О.А. Правовые основы и практика обеспечения безопасности участия свидетеля на предварительном следствии. – М., 1995.
13. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. – М., 1997.

14. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М., 2001. – С. 8.
15. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт (процессуальное исследование). – М., 2001. – С. 4.
16. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. – Н. Новгород, 2001. – С. 47.
17. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. – С. 359.
18. Федеральный закон от 20.08.04 // Российская газета. – 2004. – 25 августа.
19. Современный философский словарь. – М., 1998. – С. 702.
20. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа. – СПб., 2000. – С. 193-194.
21. Прытков В.В. Проблема // Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В.Е. Кемерово. – М., 1998. – С. 701.
22. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 366.
23. Словарь иностранных слов и выражений. – М., 1997. – С. 381.
24. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 26. – Ст. 495.
25. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Агриф, 1998.
26. Алексеев Н.Н. Основы философского права. СПб.: Юридический институт МВД РФ, 1998.
27. Пересветов И.А. Челобитные // Чтения Императорской истории. СПб., 1908. С. 66.
28. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь: В 12 т. – М.: Науч. изд. «БРЭ», 1993. – Т. 4. – С. 59.
29. Томин В.Т. Обязанности государства перед законопослушным гражданином: сфера уголовного процесса (спасение утопающих – дело рук самих утопающих) // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина; под ред. В.Т. Томина и И.А. Складорова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. – С. 93–103.
30. Корнелюк О.В. Баланс процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого при досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.

В редакцию материал поступил 22.02.07.